

Залиха
Курбанова

СТРОКИ СЕРДЦА

А М А*

Светлой памяти моей матери

Ама! О, как же я хочу к тебе, в наш дом вернуться,
Под отчий кров – он снился мне, он грезился в пути.
И до щеколды я могу давно уж дотянуться,
Чтоб распахнуть калитку дней, чтоб в детство мне войти!

Я вижу дворик наш, арык и строй чинар у края,
Вон, справа мама и вузы*, дням потерявший счёт,
Хлопочет мама, из ковра пылинки выбивая,
Потом спешит она в фонзы*, где люмян-тесто* ждёт,
Где це* готов, где фи-вода, кругами закипая,
В котле клопочет,
и сердит её водоворот.

Ама! Я вижу – вот вернулась я. Дай, крепко расцелую!
В слезах, в тоске упала я на матушкину грудь.
И вижу я тебя опять – такую молодую,
И я сама совсем дитя...
Но снова надо в путь!

Но я увидела тебя – и с лёгкою душою
Я ухожу, я тороплюсь нагнать грядущий день,
Но где бы я теперь не шла – повсюду за спиною
Твоё дыханье слышу я и вижу твою тень...

Ама! Как нас, детей, ты берегла, лелеяла, любила,
И закрывала нас крылом от горестей-невзгод.
Забыв себя, трудилась ты и пчёлкою кружила,
И в дождь, и в пекло, и в мороз – и так из года в год.

Ама! В большом корыте всех детей ты весело купала,
В потёмках, при свече-ёндын, укладывала спать.
И пересказывала нам гуджъё*, и засыпала
Ты вместе с нами, а чуть свет – вся в хлопотах опять.

Ама! Ещё мне вспомнилось, как ты матрёшек мне чинила:
На шее «бабочки» у них – все из атласных лент.
В тряпичных куколок моих ты всю любовь вложила,
И блеск их глаз из угольков – твоих добрейших свет!

Ама! Вставала рано ты всегда, опережая солнце,
Но петушок уж прокричал в курятнике подъём.
Двор подметён, холу* горит, и куры ищут просо,
Пекутся бинзы*, ну, а ты ждёшь зорьку за шитьём.

Ама! Едва начнётся новый день – ты уходила в поле,
Чтоб спину гнуть в палящий зной, пропальывая мак,
Тот чёртов мак, проклятый мак! Но не кляла ты долю,
Неся смиренно горький крест, свой материнский стяг!

Ама! О, горемычная моя! Ты возвращалась к ночи,
С котомкой нищенской в руках, с прибытком небольшим.
Лицо, как тёмная земля, запали твои очи,
Но птицей корм несёшь птенцам и отдаёшь всё им!

Ама! Но как прекрасен вешний мак в росе из перламутра!
И дикий мак, пунцовый мак взялась я рисовать.
Впервые в жизни карандаш ты мне дала в то утро -
Хотела сходство я с тобой цветам своим придать.

Ама! А помнишь, помнишь, как щёнду ты в косы мне вплетала -
Букетик розовых цветов, душистых – летним днём?
Чтоб счастье было дочерям – об этом ты мечтала,
От них напасти отводя молитвой и постом...

Ама! Ещё я помню, как с тобой ходили на неделе
К подругам-кумушкам твоим – готовить то-мэмэ*.
Ты мастерицею была в мудрёном этом деле,
И как готовить то-мэмэ, показывала мне.

Ама! О мастерстве твоём тогда по всей округе знали,
Пожалуй, знал и Пржевальск, не только наш Ирдык!
О, как же руки у тебя и пели, и мелькали,
И к чудесам в твоих руках посёлок наш привык!

Ведь всё, что было лишь мукой, простой мукою белой,
Вдруг превращалось в чудный мир, волшебный и живой:

Вот пташки, ёжик, а на нём – горит дробинкой спелой,
Мостится яблоко, тайком посаженное мной.

И птах пернатых, и ежа потом я разукрашу.
А как воздушны купола у сянзы* кружевных!
Они до неба достают, пронзая крышу нашу –
Так мне казалось... Не забыть и праздник тот, и их!

Ама! Я помню день, когда меня ты в школу собирала -
Ты шила форму мне всю ночь, а чуть блеснул рассвет,
Ты гладиолусов букет – белейших – мне достала,
И, вся от гордости светясь, вручила мне букет!

Он был огромным, как мечты и как твои надежды.
О, мама, как тоскую я, как рвусь душой к тебе!
Гляжу сквозь время на тебя – бедны твои одежды,
Но ты чиста и молода, покорная судьбе...

Ама! Ты снова ждёшь меня, ты ждёшь и смотришь на дорогу,
А я – девчонка-егоза, я рядышком с тобой,
Всё та же маленькая дочь, и я пришла к порогу,
Где ты осталась для меня навечно молодой...

Ама! Метёшь ли дворик наш пустой, совсем одна, под вечер,
Иль вещи в старом сундуке перебираешь ты -
Со мною рядом ты всегда!.. Ты оживляешь свечи,
Когда погаснет всюду свет средь зимней темноты.

Со мной во сне и наяву живёшь ты неустанно,
Считая ночи мои, дни, недели и года.
О, мама! Ты душа моя, оплот мой в жизни странной,
Лечу я мыслями к тебе – в дом матери, туда!

Ама! Пусть косы длинные твои посеребрила старость,
Рвёт нити жизни, не щадя, и за собой манит,
Скупа на радость, и даёт всегда такую малость,
Но и крупица бытия нас тянет, как магнит.

Ама! Ты хитрой старости не верь – ей до тебя нет дела!
Пусть плохо слышишь, невпопад пусть говоришь в ответ,
Но для меня ты молода и ты не постарела -
Во всей Вселенной для меня тебя дороже нет!

Ама! Прошу, прости меня за всё, прости за всё на свете:
За все обиды и за боль – за горести прости!
Я грёзой-девочкой прошла по жизни, словно ветер,
Но утоляла ты печаль, была со мной в пути.

Ама! Но если ты навек уйдёшь – поверь, что я готова
 На твой несмелый, тихий зов из тьмы небытия,
 Придти к тебе!

И за тебя я жертвой стану снова,
 А чем же на любовь твою могу ответить я?

А как ещё, какой ценой мне оплатить бесценный,
 Твой материнский подвиг, как преодолеть мне тлен?
 Ведь так немного я могу...

Пусть мой уход мгновенный
 Тебя вернёт, а я уйду во тьму, тебе взамен!

Ама (дунг.) – мама

Вузы – ковёр

Фонзы – жилище

Люмян, це – дунганская длинная лапша и овощные подливы

Гуджьё – сказки

Холу – глиняная надворная печь

Бинзы – дунганские слоёные лепёшки с душистым горошком

Сянзы – дунганский витой хворост

То-мэмэ – дунганские пирожные из слоёного теста с орехово-фруктовой начинкой.

ИЗ ЦИКЛА: «СТРОКИ СЕРДЦА»

1

Лежу в холодной комнате одна,
 Под грудой одеял тяжёлых прячась.
 Как хорошо в минуты полусна
 Вообразить, что всё вокруг иначе:
 Вот полыхает солнце – так светло!
 И золотые дюны возле моря
 Ногам озябшим отдают тепло,
 Горят, как солнце, с небесами споря.

Но тусклый свет ослепших фонарей
 Размазал серой кистью, как попало,
 След на снегу синиц и снегирей,
 И утро зимнее, что поздно наступало.
 И мысли мои съезжились в ответ –
 Так неприветлив ледяной рассвет...

А всё ж ко мне заглядывает луч
 Через прорехи старых занавесок -
 Так через щели тёмного навеса
 Поленица виднеется.

Летуч

И быстротечен солнца бег зимой,
 За кромкой снега, за чертой земной

Его не видно. Но летучий луч
Ко мне пробился сквозь завесу туч!
Вот по карнизу голубь семенит,
Стучит в окно – он сизокрыл и важен.
Он требует свой завтрак, он ворчит!
А мы ему свой локоток покажем:
Увы, я в гипсе! Я не в силах встать,
Придётся нам, приятель, голодать!
Не сон ли это – наважденья сон?
В волшебный сон, приснившийся мгновенно,
Так хочется поверить! Только он,
Как сны другие, тоже обречён,
И пробужденье будет непременно...

2

Январь лютует. Стужей даль объята.
И, одинокая, пестра и диковата,
Несушка мечется, чтоб спрятаться сейчас,
Укрыться где-то. Плохо видит глаз.
Она стара. Она подслеповата.
Но всё напрасно – нет приюта ей.
И вспомнилась мне в этот час заката
Судьба несчастной матери моей...

3

Весенним, тёплым днём
Воробышек бескрылый
Вдруг выпал из гнезда,
Что мать ему слепила
На крыше высоко. И тут, как тут беда –
Кот желтоглазый кинулся туда,
И лапою подмял птенца: моё!
Глядел с мольбой воробышек и плакал,
И звал на помощь мать свою, однако,
Он не дождался, бедненький, её...
Прости, птенец, и я не подросла,
Я не успела, обернувшись вмиг
Грозой-собакой, прибежать на крик,
Клыки оскалить, встать горою смело
У желтоглазой смерти на пути,
Опередить её, тебя спасти...

4

Когда увидела тебя я с женщиной чужой,
То в плаче горьком и немом душа моя зашлась,
И боль потери разлилась, как океан большой,
И потонула я, когда распалась наша связь...

5

Неприветливый, заспанный, серый рассвет
Пишет кистью заиндевелой
Запоздалое утро, мерцающий свет
На мозаиках окон, на снежности белой.

И хоть стало от горя совсем ледяным
Моё сердце, уставшее в битве вседневной,
Всё ж невольно трепещет, стучит, когда с ним
Снова солнце и вечность поющей Вселенной...

6

Минуты радости, как выпавшие звенья
В цепочке длинной горестей и бед.
Века веков и краткие мгновенья,
Добро и зло, и тьму времён, и свет
Невидимая сила беспристрастно
В цепи единой держит ежечасно.
Чтоб разорвать те цепи – силы нет...

7

Вчера, плечом задев меня случайно,
Немолодая женщина прошла,
Нарядная, душистая, как тайна...

И вспомнилась, сгоревшая дотла,
Былая жизнь, счастливый летний день,
Духи с названием «Рижская сирень».
И горько-сладкое моё воспоминанье,
Переплетаясь с пролетевшим днём,
Пахнуло вдруг сухим нашатырём...

8

Как страстно ты избавиться желаешь
От образа, который не понять,
В чьей шкуре ты с рожденья пребываешь,
Пусть даже и со шкурою содрать
Придётся сердце, но опять, опять,
Хоть и нельзя, а всё-таки сдираешь...

9

Капель в разгар зимы – для сердца искушенье,
Пустое обещание весны
И легкомысленной игры мгновенье.
Всё кончится, как и уходят сны.
Обман дохнёт холодным дуновеньем...

10

Поверьте мне, ложь не бывает сладкой,
Хоть ты в неё и веруешь украдкой
В минуты страха, отравляя кровь
Отчаяньем. Тогда-то слабость духа
Одержит верх! И, сладкая для слуха,
Речь льстивой лжи тебя обманет вновь.

Но день придёт, и морок твой спадёт,
И правда маску пёструю сорвёт
Со сладкой лжи – увидишь грязь и тину,
И ты увидишь мерзкую личину,
Что прятала под пёстрой маской ложь,
Так нагло-изворотлива, а всё ж
Она раскрыта, хоть не знала края.

И голову печально посыпая
Мертвящим пеплом, плача ты пойдёшь...

11

Во мраке ночи я сижу одна,
И так она тосклива и черна...
Скрипичным альтом высочайшей ноты,
Поёт в душе продрогшей тишина...

12

Вот холодные пальцы рук,
когда-то прелестных,
Книгу жизни листают лениво,
пытаясь былое вернуть –
То, что кануло в Лету,
пылится в архивах небесных...
Только вспять ни судьбу нам,
ни Лету не повернуть...

13

Что слёзы горючие лить-проливать
В стенаньях ненужных, рыдать запоздало?
Что голову пеплом сухим посыпать
В раскаянье позднем?
Что гневом-кинжалом
Безумное сердце своё вырывать?
Все слёзы – как влитая даром вода
В разбитый кувшин.
Не вернут никогда
Ни слёзы, ни горечь того, что пропало...

14

Ты прожил не жизнь – сновиденье,
 Ты книжных героев любил.
 Теперь над тобой Провиденье
 Смеётся, пуская в распыл
 Все дни, промелькнувшие тенью...

15

В сущности, ведь надо нам немного,
 Чтоб была счастливою дорога.
 Только понимаешь это ясно,
 От добра добро ища напрасно.
 Мы надёжный сук бездумно рубим,
 Падаем с него и душу губим.
 И не ценим, и душой не слышим
 Дар бесценный, посланный нам свыше!

16

Было или не было когда-то,
 Или всё фантазии одни:
 Жизнь моя, рассветы и закаты,
 И любовь, и горестные дни.
 Отчего ж тогда они печалят,
 Снятся мне, покоя не дают –
 Длинными, туманными ночами,
 Когда птицы даже не поют...

Перевела с дунганского Надежда Чернова.

Курбанова Залиха Усмановна родилась в 1953 году в г. Кульдже Или-Казахской автономной области в семье дипломатического работника консульства СССР на территории КНР. Вернувшись на родину отца, в г. Пржевальск КирАССР в 1961 г. пошла в 1-й класс. Проживая в 1970 г. в Казахской ССР, в г. Алматы, поступила на работу в Алма-атинское городское управление кинофикации на должность начальника отдела кадров и проработала там до его реорганизации. Заочно окончила филфак КазГУ.

Литературой увлеклась в детстве, пишет статьи, очерки, стихи, рассказы. Печаталась в газетах «Пионерская правда», «Ленинское знамя», «Знамя Октября» (дунг. «Шыйёди Чи»), «Казахстанская правда», «Дунган Бо» («Хуэймин Бо».

